

Непохожие

Автор:

Юлия Резник

Непохожие

Юлия Резник

Первое правило светской журналистики – не лезть в серьёзные темы. Иначе можно запросто перейти дорогу тому, кому не следует, и нажать себе влиятельного врага. Жаль, я слишком поздно об этом вспомнила. Когда неприятности посыпались на меня, как из рога изобилия. Но хуже всего то, что я, похоже, влюбилась... в их непосредственного виновника.

Юлия Резник

Непохожие

Глава 1

Нелли

– Извините, можно ещё раз?.. Вы утверждаете, что муж вас бил? – переспрашиваю, выныривая из сонного марева, в который меня погрузила беседа с очередной светской львицей. Я – журналист. И подобного рода интервью – часть моей работы. Правда, стоит признать, что обычно с собеседниками мне везёт чуть больше. Всё же наш глянец пишет исключительно о богатых и знаменитых, а это, как правило, всегда интересные, сложные люди, раскрывать которых – одно удовольствие.

– О, гораздо хуже! Он изводил меня психологически. Хотя почему изводил? Андрей и сейчас не оставляет меня в покое. Вот поэтому я и подала на развод. – Сидящая напротив женщина берёт со стола шёлковую салфетку и деликатно прикладывает к уголкам глаз. Манеры у неё безупречные. Наверное, сказывается воспитание родителей-дипломатов. Или обучение в одном из самых престижных учебных заведений Франции.

– Вот как? – замечаю я, от любопытства сдвигаясь на самый краешек стула. Во мне просыпается охочая до сенсации ищейка. В отличие от Натальи Казак, я в заграницах не училась. И с дипломатами не якшалась. И пусть сейчас я произвожу впечатление почти своей в высшем свете, мне, к сожалению, до сих пор не удалось в себе изжить тягу ко всякого рода бульварщине. Впрочем, справедливости ради стоит отметить, что такой эксклюзив вполне может оживить интервью, на котором я уж было поставила крест. А ещё сделать нам неплохой трафик. – И как же это проявляется?

– Ну, как абьюзеры обычно изводят своих жертв? – наводит тумана Наталья, пододвигая к себе красивую чайную пару. На улице жара, я едва жива. А этой хоть бы хны. Сидит, вон, чай пьёт. Такая же свежая, как в начале нашего разговора. Даже шёлковое платье от Donna Karan не помялось. – Способов более чем достаточно.

– Думаю, для лучшего понимания здесь не помешает какой-то пример.

– Пример?

– Да! Самой большой жестокости, с которой вам пришлось столкнуться в браке.

Кошусь на диктофон. Только бы батарейка не села! А то потом попробуй, докажи, что ты не жираф. Интервью под запись отлично страхует в случае, если у кого-то возникает желание засудить журнал за клевету. А учитывая то, что Андрею Казаку принадлежит огромная юридическая компания с филиалами по всей стране, я могу жесточайшим образом поплатиться буквально за каждый неверный шаг.

– Он хочет отнять у меня ребёнка.

– Простите, что? – я вцепляюсь пальцами в шикарное кресло и ещё сильнее подаюсь вперёд. Моя реакция приводит Наталью в некоторое замешательство. Она же не в курсе, что своими словами запустила цепную реакцию, и теперь в моей голове проносятся картинки из детства, о которых я мечтала забыть.

– Мишель. Он собирается отнять мою дочь.

– Какой подлец! – ахаю я. Эмоции берут верх над здравым смыслом. Вообще, конечно, такой комментарий непозволителен с точки зрения профессии. Но я не могу сдержаться. Перевожу взгляд на Юрку – гениального фотографа, с которым мы обычно работаем в паре. Тот крутит пальцем у виска. Да знаю я, знаю! Сглупила... – Послушайте, но разве можно вот так запросто отнять ребёнка у матери?

– Для Андрея нет ничего невозможного. Вы же понимаете, какие у него покровители... – Наталья поднимает синие с поволокой грусти глаза к небу, намекая на связи мужа в самых что ни на есть высших кругах. Я понимающе киваю, а сама прикидываю в уме, как бы это всё получше описать на бумаге.

«Мы с Наталией сидим на лужайке. На ней платье от Donna Karan New York и атласные лодочки от Pierre Hardy. Красивый фасад, за которым моя собеседница скрывает свою боль...»

Профдеформация в чистом виде, м-да...

– Но вы же наверняка собираетесь обратиться в суд?

– Я не знаю, получится ли. Ведь Андрей практически полностью лишил меня финансирования. На хорошего адвоката нужны немалые средства. Которых у меня нет. – Салфетка вновь касается глаз. Меня в этом что-то цепляет, но я не успеваю осмыслить, что. Личные воспоминания, вступая в резонанс с откровениями Натальи, мешают мне мыслить трезво.

– Как же так? По закону вам принадлежит половина нажитого в браке имущества.

– К сожалению, у нас с Андреем был заключён брачный контракт. Понимаете, он всегда был очень продуманным человеком. А я... я тогда не понимала, на что имеет право жена. Так и вышло, что я посвятила мужу всю свою жизнь, и в итоге осталась ни с чем.

Так, ладно. Про всю жизнь она, конечно, загнула. Ей сколько? Тридцать? Детский возраст. Могу дать руку на отсечение, что без мужского внимания Наталья долго не останется. Хотя, вполне вероятно, планку всё же придётся снизить. Без ложной скромности Андрей Казак – шикарный мужик, на фоне которого любой другой окажется в заведомом проигрыше. Красивый, статный, спортивный... Я даже хотела, чтобы он поучаствовал в съёмке. Наталья отказалась. На тот момент мне это решение показалось неправильным. Я даже попыталась мягко его оспорить. Но та не поддалась. И теперь я понимаю, почему.

– Даже страшно представить, что вы сейчас чувствуете.

– Да. Это очень непросто. Извините... Полагаю, я уже всё рассказала. Мы не могли бы свернуть интервью?

– Конечно. Спасибо за вашу откровенность.

Наталья благодарно улыбается. Встаёт, тепло прощается с моими ребятами и уходит, прячась за дверями шикарного особняка. Я была несказанно удивлена, увидев этот дом впервые. Зачастую у богатых и знаменитых настолько безвкусные дома, что хоть плачь. Тут же – не дом, а произведение искусства в минималистическом стиле. Такая совершенная геометрия, такой изумительный современный дизайн... Я раскатала губу, что нам удастся поснимать внутри. Но Наталья ещё на этапе переговоров зарубила эту идею. Решили снимать в розарии. Съёмка там проходит весьма удачно. А вот за время интервью на лужайке с меня сходит семь потов.

– Что думаешь? – интересуюсь у ассистентки, когда мы рассаживаемся по местам в служебном микроавтобусе. Здесь, под кондиционером, вновь хочется жить, хотя вид у меня довольно помятый.

– Думаю, что Вишневская ни за что не выпустит это в печать, – пыхтит Алёна, осторожно поправляя чехлы с платьями на заднем сиденье.

- Побоится?

- Перестрахуется. Сама подумай, зачем главреду так подставлять журнал?

- Да почему подставлять-то?! - психую я. - У нас есть всё для подстраховки.

- Ты спросила, что я думаю - я ответила. Чего ты теперь со мной споришь, Нель?

И правда...

- Ладно, проехали. Для начала надо написать статью. А там посмотрим.

- На финал разговора я бы даже время не стала тратить, выкинула бы его, и всё.

- И что тогда от этого интервью останется? - невесело усмехаюсь я. - Пространные рассуждения о том, как важно правильно составить меню на неделю?

Аленка ржёт:

- Вот у людей заботы, правда?

Ага... Так почему же нас всех так манит эта богатая сытая жизнь?

- Кстати, о меню. Жрать хочется - сил нет.

- Может, заскочим куда-нибудь?

Это было бы замечательно, но мне не терпится засесть за статью и пересмотреть отснятые фото... Пусть ещё и не обработанные.

- Нет. Выбросите меня у дома.

Я живу в центре. В старинном особняке конца восемнадцатого века, который в то время был доходным домом. Звучит как сказка. Как мечта. Если не уточнять, что сейчас это замызганная коммуналка, в которой мне принадлежат всего две

комнаты. В них ведёт длинный-предлинный обшарпанный и зассанный кошками коридор. Сколько ни бьюсь с соседями за то, чтобы его отремонтировать – всё напрасно. Общая кухня – мой личный ад. Или ад – это туалет? Да, пожалуй. Зато в моих комнатах – красота. Я сюда все свои кровно заработанные вложила. Пригласила реставраторов, те очистили стены, восстановили аутентичную, чудом сохранившуюся лепнину и двери... Когда-нибудь, когда в достаточной мере разбогатею, я надеюсь выкупить и остальные комнаты. А пока приходится мириться с...

– Господи Иисусе! У нас кто-то умер?!

– Нет. Это Серафима нажарила корюшки. Корюшка нынче пошла. Ты разве не в курсе? – размахивая перед собой скрученным в жгут полотенцем, разъясняет моя соседка, богатырского телосложения тётка с жуткой химией на голове. И даже не спрашивайте, кто сейчас делает химию.

– Да не маши ты на меня! Я и так уже, наверное, до трусов провонялась! Вытяжка опять не работает?!

– Не-а.

– Слушай, ну ты бы Никиту своего попросила починить. Мы ж тут все задохнёмся! Серафима Аркадьевна, вы что, нашей смерти хотите?! – ору на весь коридор.

Иногда я задаюсь вопросом, что бы подумали мои богатые и знаменитые друзья, если бы увидели эту сторону моей жизни? Стали бы мне улыбаться, как они это делают в надежде, что их упомянут в очередном выпуске журнала, или бы презрительно отвернулись? А может, им бы показалась занятной двойственностью моей жизни? С одной стороны, я летаю бизнес-классом на недели моды в Нью-Йорк и Париж, хожу по всяким презентациям и вечеринкам, одеваюсь исключительно в люкс, который мне, как их инфлюэнсеру, с радостью предоставляют всевозможные бренды. С другой... живу в коммуналке на семерых хозяев, перебиваясь от одной нищенской, в общем-то, зарплаты к другой.

– Никитку? Да ты что? Он же ребёнок совсем! Какой «починить»? – возмущается Дашка. Застываю с открытым ртом. Даже интересно, что бы она сказала, если бы

узнала, что её Никитка буквально вчера вечером пытался зажать меня в тёмном углу?

– Тогда Армена! Или, на худой конец, Василия Александровича! В этом доме что, блин, нет мужиков?!

– Кто Армена звал?

Этого ещё не хватало. Гашу в себе трусливое желание завопить «не я!» и скрыться у себя за дверью. Нет сил смотреть, как этот здоровенный волосатый мужик упивается своей безответной ко мне любовью. Бродит побитым псом, ищет встречи. И я только потому, что не могу ответить на его чувства, самой себе кажусь каким-то живодёром. Бесит!

– У Серафимы Аркадьевны вытяжка опять сломалась. Ты не мог бы починить?

– Мог! Ещё как мог...

– А что толку, когда нас отсюда всех подчистую выселят? – вступает в разговор ещё один наш житель. Древний, как дерьмо мамонта, дед.

– Господи, Василий Александрович! Что мешает вам застегнуть ширинку в туалете?!

– Прошу меня простить, Неллечка. Откуда мне было знать, что вы устроите митинг в коридоре?

– Проехали, – отмахиваюсь я. – Что вы там про выселение говорили?

– Никто нас не выселит! У нас, между прочим, частная собственность! Она неприкосновенна! – Дашка подпирает пухлые бока пухлыми же кулаками. – Вот если бы расселить нас предложили – тогда другое дело.

– Чтобы нас расселить, нужно, чтобы все были согласны, – тихо замечает Армен.

– Это ещё почему? – заводится Дашка, которая спит и видит, как отсюда съедет в панельную, на скорую руку слепленную многоэтажку где-нибудь на окраине.

– Потому что те, у кого есть деньги на наши комнаты, наверняка замахнутся на всё крыло. Чтобы и коридор им достался, и кухня, и санузел. А как это сделать, если посреди коридора – две комнаты, которые никто не собирается освобождать? Вы же не собираетесь, Василий Александрович?

– Я тут родился – тут я и помру! Наверное...

– Ну, вот. И Серафима вряд ли куда захочет съехать.

– И я не захочу, – развожу руками. – Остановимся на том, что каждый из нас останется при своём.

– При своём?! – визжит Дашка. – Да мне эта чёртова коммуналка уже знаете где? Во! – проводит ребром по шее. – Достало! Хочу по-человечески жить! Надоело стоять в очереди в туалет. Вонь эта надоела! Проводка вся искрит, текут трубы...

– А я давно предлагала сделать ремонт, – не могу промолчать в нужном месте. – Это ж вы не хотите, всё денег нет.

– Не у всех такой доход, как у вас, Нелли, – тихонько выходит из своей комнаты еще одна наша соседка, маленькая худенькая библиотечарша. Она такая невзрачная и тихая, что, несмотря на пять лет жизни бок о бок, это всё, что я о ней знаю. – Я бы с радостью скинулась на ремонт. Но у меня абсолютно нет денег.

– Так сделайте с этим что-нибудь! – злюсь я. Нет, меня вправду бесит, когда кто-то жалуется на своё безденежье и ни черта не делает для того, чтобы из него выбраться.

– У нас тут что, опять межклассовая рознь затевается? – влетает в квартиру студент-третьекурсник Димка. Его комната аккурат за стенкой. И поглядываю я на неё, как кот на банку сметаны. Может быть, через годик смогу подкопить и выкупить у него драгоценные квадратные метры. Он тоже с радостью съедет в однушку.

– Пойдите, Василий Александрович. А с чего вы вообще взяли, что нас собираются выселять?

Глава 2

Нелли

– Так ходил тут один сегодня. В костюме шикарном! Во... – Василий Иванович резко ведёт ладонями от себя, будто приглаживая тот самый шикарный костюм. – А с ним девчонка. Смешная такая. Хромоножка.

– Что значит – ходил? А впустил его кто? – перевожу взгляд с одного соседа по квартире на другого. Если раньше я хотела сбежать, чтобы не пришлось отдавать свой дорожный костюм в химчистку, то теперь махнула на всё рукой. Пусть дальше прованивается. Главное, по горячим следам выяснить, какого чёрта происходит. Потом это будет сделать гораздо сложнее.

– Так Дашка, кто ж ещё!

– А что я? Имею право! Это и моя квартира, если вы забыли. Что хочу, то и делаю. Понятно?

– И по комнатам чужим шастать?! – весело щурит глаза Василий Александрович. Я открываю рот и, всё ещё не веря, что это возможно, плююсь, как дура, на Дашку. Та идёт некрасивыми бордовыми пятнами, с потрохами выдавая себя.

– В смысле? Ты что, впустила ко мне какого-то левого мужика? – я перехожу на тихий свистящий шёпот и делаю шаг вперед. Дашка трусливо пятится. Что, в общем-то, правильно, учитывая, как сильно у меня чешутся руки.

В этом месте, наверное, стоит отметить, что у нас с соседями всё же довольно доверительные отношения. По крайней мере, были до этих пор. В шкатулке под замком хранятся запасные ключи от каждой комнаты. Дом действительно старый. Случиться может всё что угодно. Проводка там загорится, или труба прорвётся... Именно поэтому мы решили, что будет правильно, если у каждого

жильца будет доступ ко всем помещениям.

- Эй! Ты чего?! Он даже не заходил! Просто заглянул, и всё. Тебе что, жалко?!

- Просто... заглянул?! Ну, да это всё меняет! - саркастически фыркаю я, в то время как остальные жильцы реагируют на ситуацию далеко не так остро. Димка, вон, вообще зубы сушит, обращаясь к кому-то за моей спиной:

- Спорим, что до поножовщины не дойдёт? Ставлю пятихатку!

Я резко оборачиваюсь, готовая поставить зарвавшегося мальчишку на место. Но взгляд застывает на собственном отражении в мутном от времени зеркале, что висит здесь, кажется, не один век. М-да... Сейчас я мало похожу на ту женщину, которой хочу себя видеть. Красиво уложенные к съёмке волосы поникли от жары и запредельной влажности: начёс уныло накренился на один бок, чёлка налипла на лоб, а лицо и вовсе перекосило от ярости. Ужасно! Делаю глубокий вдох. Спокойствие, Нелли, только спокойствие! Ты же приличная интеллигентная женщина, а не потенциальный герой очередного выпуска Дежурной части... Соберись! Где твои манеры? Ты же светский хроникёр, чтоб тебя!

- Дим, перестань. Тут не до веселья, - пока я по крупицам возвращаю себе контроль, за меня вступается библиотекарьша. А мне от этого, знаете ли, не легче. Даже её самообладание бесит!

- Нет, я не пойму, меня одну волнует то, что кто-то приводит в наш дом каких-то мужиков с улицы? Ну? - завожусь я. - Чего вы молчите?

- А что изменится, если мы станем волосы на себе рвать? - разводит руками Армен. - Ну, было и было.

Его южный мягкий говор журчит, как ручей, но тоже ни черта не успокаивает.

- И всё?! Пусть она дальше кого попало приводит?!

- И буду водить! Буду! Понятно?! Я хочу нормальной жизни. В нормальной квартире!

Я тоже! Проблема в том, что мы с Дашкой по-разному её себе представляем. Для меня жизнь в старинном особняке в самом сердце города означает принадлежность к высшему обществу. Престиж, будь он проклят! Понты, которые в моей жизни имеют большое значение. Я не могу от этого отказаться ради отдельной кухни три на три с половиной. И даже ради отдельной ванной не могу, хотя и очень страдаю, не имея возможности после долгого рабочего дня расслабиться в горячей воде. Отрываюсь в заграничных командировках. Хотя подчас так в них устаю, что и на это меня не хватает.

- Послушай, я же просила... Просто дай мне время, и я выкуплю твою комнату.

- И когда же это случится? – Дашка вновь воинственно подпирает бока, очень быстро забыв о том, как провинилась.

- Я не могу сказать точно. Через несколько лет.

- Исключено!

- Ну, тогда и ищи покупателя на свою долю! А ко мне водить никого не смей. Я не уступлю ни метра. Ясно?

Подстегиваемая яростью, я срываюсь с места, обхожу Василия Александровича по дуге и достаю ту самую шкатулку с ключами из дешманского шкафа, который купила взамен прекрасного дубового буфета, стоявшего здесь прежде. Вообще тот буфет спасся чудом. Его давно хотели выбросить, и не сделали этого лишь потому, что не могли сдвинуть машину с места. А мои грузчики как-то справились. Пустовало освободившееся место недолго. Я, как и обещала, на следующий же день установила новенький шкаф. Жильцы обрадовались функциональному ДСП-шному чуду. А я обрадовалась доставшемуся мне за бесценок антиквариату, который после реставрации поднялся в цене настолько, что стал довольно-таки неплохим вложением. А ещё буфет отлично вписался в мой до мелочей продуманный и воспроизведённый по архивным фотографиям интерьер.

- Всё! С меня хватит. Я забираю ключ.

- Истеричка! – комментирует моё решение Дашка, в целях безопасности отступая подальше.

– Называй меня как угодно. Главное, не забывай, что трое сособственников из семи не собираются избавляться от недвижимости в этом доме.

– Ты мне жизнь рушишь! – кричит Дашка.

– Тро-о-о-е-е, – напеваю я.

– Дед с бабкой скоро один чёрт помрут!

– А вот не надо нас хоронить! – возмущается Василий Александрович.

– Кого хоронить? Неужто Юлия Дмитриевна из двадцать второй преставилась? – из кухни, расположенной в конце коридора, выглядывает Серафима Аркадьевна. Корюшку она умудряется жарить в платье с белым кружевным воротничком, в серьгах с янтарём и причёской, которая, хоть её и не укладывали стилисты, сейчас выглядит определённо лучше моей.

– Чур тебя! Сегодня видел её на Мойке. Была наша милая Юлия Дмитриевна живей всех живых. Это нас с тобой, Симочка, Дашка хоронит...

– Ай, да ну вас всех! – психует та и прячется у себя, оглушительно хлопнув дверь. Свет мигает. В коридоре гаснет единственная рабочая лампочка. В наступившей тишине слышится, как шуршит, осыпаясь на пол, штукатурка. И тихий вздох Симочки:

– Пойдемте, что ли, есть, пока все живы.

– Да что нам будет? – оживляется вечно голодный Димка.

– Мало ли что? Дарья решительно настроена нас всех отсюда выжить. Глядишь, и по головам пойдёт.

– Ничего она не сделает. Если мы не захотим своё продать – никакой сделки не будет. Рычагов воздействия у неё на нас нет.

Кухня у нас, как говорится, чистенькая, но бедненькая. Сохранившаяся лепнина на потолках странным образом контрастирует с обшарпанными, выкрашенными уродливой зелёной краской панелями. Пол застелен каким-то жутким линолеумом, под которым, как я подозреваю, сохранилась аутентичная плитка. Газовые плиты и стиралки стоят вдоль двух стен. Над ними висят разномастные кухонные шкафчики разных эпох и оттенков. Есть тут и шикарная печь в изразцах, которую, слава богу, никто не успел снести. Я мечтаю, как в один прекрасный день всё отреставрирую... Вообще всё здесь отреставрирую и ка-а-ак заживу! Это будет прекрасно!

– А вот не скажи! Я таких историй наслушалась – закачаешься. Тут риелторы чёрные орудуют, – понизив тон, шепчет Симочка. Я обычно в посиделках на кухне не участвую, но тут уходить не спешу.

– Ну что они сделают? Всех нас поубивают?

– И такое было. Помнишь, Вась, что с Олимпиадой Григорьевной приключилось?

– И что же?

– У Олимпиады была большая квартира в доме на Кузнецкой. Потолки как у нас – больше четырёх метров, комнат пять или шесть. У неё отец, знаете ли, генерал. Вот и выделили...

– И?

– Захотел эту самую квартиру приобрести какой-то богатей. Олимпиада ни в какую. Как можно? Родовое гнездо! Тот ей какие деньги только не предлагал... Олимпиада – в отказ! И что же ты думаешь? Начинает она хиреть. Из цветущей женщины буквально за пару месяцев превращается в ссохшуюся старуху. Врачи только руками разводят. И тут Олимпиада вспоминает, что все её беды начались после визита интернет-провайдера. Полезла она, значит, в эту коробку, а там...

– А там? – широко распахнув глаза, интересуется библиотечкаша.

– А там какой-то пузырьёк. Травили её потихоньку, вот что! Эти самые чёрные риелторы.

– Ужас какой. Не думаю, что сейчас это возможно, – взволнованно замечает библиотекарьша.

– Такое, может, и невозможно, да, – соглашается Симочка. – Но людей можно выжить и по-другому.

– Например?

– Продаст, допустим, Дашка свою квартиру какому-нибудь наркоману. Он нас всех и выживет потихоньку...

– Какие-то это страшилки, – вздыхаю я, сладко, до хруста в костях, потягиваясь. Димка сидит, вовсю уплетая корюшку с молодой картошкой. Библиотекарьша не ест, кутается в безобразную серую кофту, хотя на дворе лето. Холодно ей, что ли?

– Может, и страшилки. Но готовыми надо быть ко всему. Правда, Леночка?

Ах да, её зовут Леночка... Вот и всё, что я выношу из нашего разговора. Остальное время потеряно зря.

– Пойду приму душ, пока нет других желающих, – говорю я и спешно ретируюсь с кухни. Мои комнаты на контрасте с остальными выглядят царскими хоромами. В одной я оборудовала спальню, пожертвовав значительную площадь под гардеробную. В другой организовала гостиную и кабинет. С красотой этого пространства может конкурировать разве что вид, открывающийся из окон. Я обожаю сидеть на подоконнике с бокалом вина, подолгу вглядываясь в чёрную водную гладь канала. Жаль, сегодня у меня полно дел и совсем не до посиделок.

Я быстро моюсь, с наслаждением смывая с себя этот безумный день. Заказываю поесть, наливаю бокал вина (тут себе не отказываю) и усаживаюсь, наконец, за работу. В первую очередь отсматриваю отснятые фото, маркируя себе те, которым, как мне кажется, стоит дать ход. И ещё раз прослушиваю запись интервью на диктофоне. Морщусь в тех моментах, где сплеховала. Перематываю по несколько раз ответы Натальи. В душе поднимается муть. Я по себе знаю, как это – стать решающим козырем в разборках родителей. Вот почему во мне так откликается история моей героини. Я вижу в ней свою мать, которая тоже ничего не могла противопоставить отцу, живя с ним в закрытом военном

городке, в котором он, что называется, был царём и богом.

И ведь я могу написать всё, как есть. Я даже сделаю это, но... Правда в том, что в нашем журнале просто не опубликуют подобный материал, не согласовав его со всеми потенциальными интересантами. Вот тебе и свободная журналистика.

Отбрасываю карандаш и ввожу в строку поисковика «Андрей Казак». Тут же всплывает миллион фотографий. Вот он ещё пока с женой на каком-то приёме в посольстве Израиля, вот они на сафари, в театре... А вот и «беременная» фотосессия, на которые обычно бабы силком затаскивают своих бедных и не совсем понимающих, что они здесь забыли, мужей. Правда, Казак не выглядит ни бедным, ни непонимающим. Говорю ж – ему смело можно переквалифицироваться в модели. Хотя внешне он и не совсем эталонный красавец, в нем есть какая-то совершенно уникальная животная привлекательность. Мы несколько раз пересекались на светских мероприятиях, и я хорошо помню, какое сильное впечатление он производит. И даже это... особенно это мне хорошо знакомо. Мой отец на людях тоже был совсем не таким, каким мы с мамой его видели дома.

Заканчиваю статью ближе к утру. У нас в офисе нет какого-то строгого графика, поэтому все подтягиваются ближе к обеду. Когда я прихожу, главный редактор уже на месте.

– Как съёмка? Юрка сказал, что все прошло неплохо.

– Угу. Текст я уже набросала. Глянешь? Там есть один спорный момент.

– Может, ближе к вечеру, если успею. Тут настоящий дурдом, – Лина обводит заваленный бумагами стол. Мне же, по-видимому, придётся запастись терпением. В конце концов, я только мечтаю занять её место. Главная здесь – она... Ей и командовать.

Иду к себе. Новый номер уже отдан в верстку, так что работы как таковой нет. Зато на вечер намечено две презентации, на которых мне следует быть. Я готовлюсь к этому. Быть красивой, модной и до чёрта востребованной – тоже труд. Только идиотки думают, будто это легко.

- Скучота. - На стол ложится распечатка с моим текстом. Поднимаю взгляд на главреда. - Но если Казак не зарежет концовку, считай, дело сделано.

- Думаешь, на это есть хоть один шанс? - скептически поджимаю губы.

- А ты попробуй. Других вариантов у нас нет. Мы не можем выпустить такую статью без его ведома. Это чревато.

- И что же мне делать?

- Позвони ему! Что ты как в первый раз?

Глава 3

Андрей

- А здесь мы установим балетный станок! - Мишель неуклюже подпрыгивает и поворачивается вокруг себя, что, наверное, должно изобразить пируэт. У моей дочери ДЦП, но кто сказал, что это может помешать заняться балетом, когда она так этого хочет? - Ну что ты молчишь, папа! - негодует моя малышка. А после, оставив танцы, забирается ко мне на колени и, обхватив мои колючие щёки ладошками, заставляет на себя посмотреть. Один её глаз все ещё немного косит. Это довольно распространённое осложнение. Зато у неё прекрасная речь. И блестящие мозги.

- А что тут сказать? Когда ты уже всё решила, - рывком поднимаюсь с кресла, не выпуская Мишель из рук. Её хрупкое жилистое тельце напрягается, раскосые глаза наполняются хитрым блеском, она уже знает, что я задумал. Подбрасываю её высоко-высоко, чтобы оправдать ожидания дочери. Та звонко и ужасно заразительно хохочет.

- Папа! Я сейчас упаду! Упаду!!!

- Вот ещё! Привыкай. В балете знаешь, сколько поддержек!

– А это как?!

– Когда тебя партнер на руках таскает.

– И подбрасывает?!

– Ну, может, не совсем... – замечаю туманно, потому как на балете, кажется, ни разу и не был. Этот вид искусства меня не привлекает. Совсем. – Ох, дамочка, похоже, вы сегодня плотно пообедали... Слезай с отца. А то у меня поясницу заклинило.

На самом деле это, конечно, не так. Нет, спину я и впрямь сорвал, но моя крохотная по любым меркам дочь к этому непричастна. Это я, дурак, переборщил вчера в зале, в надежде выпустить пар.

– А в комнате принцессы что мы сделаем? – интересуется Мишель, когда я осторожно опускаю её на пол.

– Понятия не имею, – я хмурю брови. – И если уж на то пошло, я вообще не уверен, что принцесса захочет нам продавать свои комнаты.

М-да... Подстава. Обычно ведь хозяева коммуналок спят и видят, чтобы их расселили. Но собственница двух комнат в доходном доме, что заметил мой риелтор, вложила в реставрацию принадлежащих ей квадратных метров столько сил, что я очень сомневаюсь, будто теперь она захочет их продать. Тут я не склонен верить шустрой бабе, которая организовала показ. Жопой чую какую-то подставу. Но всё равно хочу... Хочу выкупить всю коммуналку подчистую. Вид из окон там охрененный. Да и вообще... Мне, наверное, от деда-академика передалась тяга к истории. Или же свою роль сыграло то, что первые десять лет своей жизни я провёл в квартире, подобной этой. Пока дед не был вынужден продать ее за долги.

– Я бы тоже не захотела. – Мишель тяжело вздыхает и сокрушённо качает головой. – И что тогда? У нас не будет этой квартиры?

– Не знаю. Ты чего повесила нос? Неужели она тебе так сильно понравилась?

– Очень! Я бы могла ездить по коридору на велосипеде. Или играть с друзьями в догонялки. И в прятки!

– Ну, не знаю. Боюсь, ты вырастешь до того, как закончится ремонт. Мороки там – дай боже.

Вообще вчера мы договорились с риелтором, что он организует нам ещё один показ, на который будут приглашены специалист по реставрации и прораб. Впрочем, мне и без их заключений понятно, что проект будет (если будет) дорогим, энергозатратным и не очень-то быстрым. Даже не знаю, стоит ли в него ввязываться. Или лучше купить апартаменты в новом доме. Нам с Мишель нужен дом. Всё ж я надеялся, что съёмная квартира – это временная мера.

– Я так хочу жить там, папочка!

Ах лиса... Ну лиса! Знает, как меня разжалобить... Я усмехаюсь, делаю Женьке «сливку» и отхожу, потому что у меня звонит брошенный где-то в коридоре телефон. Номер незнаком.

– Да!

– Добрый день, Андрей Владимирович. Меня зовут Нелли Ерофеева, я обозреватель журнала «Т*»... Может быть, вы в курсе...

– Извините, я не даю интервью, – перебиваю журналистку и отвожу трубку от уха, потеряв всякий интерес к разговору, когда до меня доносится:

– Вы – может быть. Но ваша жена даёт интервью с удовольствием.

Я плотнее сжимаю челюсти. Жена... Ну да. Эта и впрямь не упустит возможности где-нибудь засветиться.

– И? Что теперь? Чего вы от меня хотите?

– Ничего особенного. Всего лишь убедиться, что вы в курсе.

– В курсе чего? – сощуриваюсь. Девушка на том конце связи молчит, а я вдруг понимаю, что бедная светская обозревательница банально трусит перейти дорогу такому влиятельному дяде, как я. Вот тебе и независимая журналистика. Во всей, так сказать, красе.

– И что? Вы со всеми мужьями интервью их жен согласовываете? – усмехаюсь. – Или мне одному такая выпала честь?

– Да. То есть нет... Это политика руководства, – вроде бы ровно отвечает Нелли... Или как её там. Но мне почему-то кажется, что сдержанность ей даётся с трудом. – Нам не нужны скандалы. Редакционная политика нашего глянца заключается совсем в другом.

– И в чём же? – подхожу к кофемашине, выставляю программу и нажимаю на кнопку «пуск». Зёрна смальваются с оглушительным грохотом. В этом шуме теряется большая часть из речи светской обозревательницы.

– ... у журнала многолетняя репутация, которой мы очень дорожим. Поэтому нам и доверяют свои секреты сильные мира... Мы публикуем только проверенную информацию, в отличие от всяких желтых изданий.

– Похвально.

– Тогда... в какой форме вам будет удобно согласовать текст? Я могу скинуть его вам на почту?

– Можете, конечно. Кто ж вам помешает?

Она снова медлит, прежде чем мне ответить:

– Отлично. Если вас всё устроит, достаточно в ответ прислать мне короткую резолюцию.

Что ж... По крайней мере, ей хватает мозгов подстраховаться.

– Посмотрим, – сбрасываю вызов, не обещая ничего конкретного. – Мишка, тебе сделать какао?

- С тортом? – заглядывает в кухню моя сладкоежка-дочь.

- Опять? Живот не заболит?

- От торта?! Да никогда в жизни!

- Ну, смотри. Как знаешь. Мне ещё нужно поработать.

Оставляю Мишель наедине с какао и тортом, а сам уединяюсь в кабинете. Здесь всё не то и не так. Не под меня сделано. Но это что? Я привыкну, наверное. Другого выхода нет. Как нет возврата и к старой устоявшейся жизни. Я из тех, кто долго запрягает, да... Но если уж что-то решаю – то всё... Пиши пропало.

Отодвигаю свой кофе подальше от разложенного на столе плана коммуналки. Здесь восемь комнат, по четыре по разные стороны от огромного коридора, два санузла и просторная кухня в торце... Заманчиво. Мишель, опять же, она понравилась. Нарушая размеренный ход мыслей, вновь звонит телефон. С экрана на меня смотрит жена. В скором, надеюсь, бывшая. На фото Наталья выглядит как белокурый непорочный ангел. Это даже удивительно, насколько её идеальный фасад не соответствует гнилому содержанию.

- Да... Слушаю.

- Что... с... моей... картой?

- С твоей? Я не знаю. А одну из своих ненужных я, кажется, вчера аннулировал.

- Какой же ты козёл, Казак! Это были мои деньги! Мои... Я их заработала!

- Чем, прости?

- Тем, что терпела тебя целых пятнадцать лет! Ложилась под тебя, озабоченного уroda! И дочь тебе родила, может, ты забыл?! А потом таскалась с ней по врачам и реабилитационным центрам...

О, эту песню я слышал много раз. Ничего нового.

– У тебя всё?

– Ты не можешь лишить меня моей жизни!

– Жизни – нет. Что ты, Наташ, мы же цивилизованные люди. А вот отлучить тебя от кормушки мне вполне по силам. Ты сама настояла на том, чтобы подписать брачный контракт.

– Так хотел папа! Я была юной и ни черта не соображала!

– Кто ж знал, что с тех пор всё настолько изменится, правда?

И тут мне действительно надо сказать большое спасибо тестю. Когда мы поженились с Натальей, я был студентом без гроша в кармане, а она – избалованной дочкой чиновника средней руки, довольно прочно сидящего на государственных потоках. Тесть опасался, как бы я не наложил лапу на те активы, что он переписал на Наташку, замечая следы... Вот и заставил нас подписать брачный контракт. С тех пор и впрямь многое изменилось. Наташкины активы были проданы. А потом мой тесть погорел на крупной взятке. Его судили, дали срок, естественно, конфисковав всё, что у него было. А я за это время поднялся. Сделал имя в определённых кругах, разбогател и обрёл влияние.

– Я подам на тебя в суд!

– Это всегда пожалуйста...

– Я уничтожу твою репутацию! С тобой не захочет работать ни один приличный человек!

– Мне уже бояться? А я-то думаю, чего ты звонишь...

– Все узнают, что ты из себя представляешь!

– Пожалуйста. Ни в чём себе не отказывай. У тебя ещё что-нибудь?

– Да пошёл ты! – бросает напоследок моя «любимая» жёнушка и отключается. В ухо льются гудки.

Откладываю телефон, а потом, не выдержав, со всей дури бахаю кулаком по столу. Может быть, я и впрямь законченный урод. Но я действительно не понимаю, какого хрена эта избалованная сучка решила, будто я ей что-то должен. Пока я, как дурной, пахал, та ложилась за моей спиной едва ли не под каждого вхожего в наш дом мужика. Вот почему, собственно, дом я ей всё-таки оставил.

– Ой!

Вскидываю взгляд. Мишель стоит, придерживаясь за дверь. Интересно, как долго?

– Что?

– Это мама звонила, да?

– Угу. Мама... – я выбираюсь из-за стола, подхожу ближе. Сажусь на корточки, чтобы быть с дочкой на одном уровне. – Ты по ней скучаешь?

– Немножко, – отвечает Мишель слишком торопливо, чтобы это могло быть правдой. Твою ж мать! За грудиной тянет привычное чувство вины. Но чёрта с два оно возьмёт надо мной верх. Я и так ради дочки терпел непозволительно долго. Больше просто нет сил. У меня неприятие на физическом уровне. По типу того, как человеческий организм отторгает плохо подобранный донорский орган. – А она совсем-совсем не хочет меня видеть?

Ярость обжигает нутро. Бесит то, что ради спокойствия Мишель я снова вынужден врать. Врать и выгораживать.

– Конечно, хочет.

– Врёшь ты всё. Думаю, мама не хочет меня видеть из-за того, что я не такая, как все.

- Что значит - «не такая»? - холодею я.

- Ты знаешь, - шепчет Мишель.

- Не знаю, и знать не хочу. Ты самая красивая, самая любимая девочка на свете. Я не променяю тебя ни на одну другую.

Мишель отрывает взгляд от пола и робко улыбается.

- Почему же мама совсем ко мне не приезжает?

- Наверное, у неё дела.

- Какие?

Вздыхаю. Хватка у моей доченьки отцовская, бульдожья. Это, с одной стороны, хорошо, иначе она со своим диагнозом ни за что бы не сделала таких успехов. С другой... я порой совершенно не знаю, как выстраивать с ней диалог.

- Ну, вот сегодня, например, твоя мама давала интервью.

- Правда?! А кому?

- Какому-то модному журналу.

- Ух ты! Как будто она модель. Или звезда. Это, наверное, важное дело.

- Наверное.

- Важнее меня.

Ну, вот как эта хитрая лиса так легко расставляет ловушки?

- Важней тебя нет ничего на свете! - убеждённо говорю я и, чтобы положить конец этому трудному для нас всех разговору, добавляю: - Рассказывай, что ещё ты хотела бы видеть в своей новой детской. Я думаю в следующий раз взять с

собой на объект дизайнера. М-м-м? Что скажешь? Будет интересно.

- И меня возьмёшь?

- Не знаю. У тебя же лагерь. Если что, я всё-всё покажу тебе на визуализации.

- Что такое «визуализация»?

- Это такие картинки, воспроизводящие то, как будет выглядеть наш дом после ремонта.

- Если старые хозяева захотят его продать.

- Да. Точно. - Растираю переносицу двумя пальцами.

- Ты их убедишь! - уверенно кивает головой Мишель.

- Почему ты так в этом уверена?

- Потому что ты - это ты, - она закатывает глаза. Как всегда в такие моменты, моё сердце пропускает удар. Есть что-то ужасно трогательное в этой её святой вере в мои возможности.

- Я постараюсь что-нибудь придумать. Ух ты ж чёрт! Только посмотри, сколько времени. Тебе уже давно пора в кровать...

- Сначала мыться!

- Точно. Сама справишься?

Мишель опять закатывает глаза и, прихрамывая на одну ногу, выходит. Для ребенка с ДЦП она очень и очень подвижная. Пока Мишель купается, я проверяю почту, вспомнив о злосчастной статейке. Пробегаюсь по сопровождающим её фото. Наталья красива, бесспорно. Но мне неприятно на неё смотреть. И читать неприятно её излияния о том, как важно составлять чертово меню. Потому что она никогда этим не занималась. Хватает меня примерно до середины текста.

Чувствуя, как в душе вновь поднимается мутная злоба, я отвечаю на письмо коротким «ок» и сворачиваю переписку.

Глава 4

Нелли

Следующие три недели пролетают, как один день. Время вообще с возрастом ускоряется, а лето проносится как-то уж совсем ненормально быстро. Я порхаю с одного светского мероприятия на другое. Что-то пишу, делаю какие-то обзоры, посещаю презентации, различные ивенты, уделаю много времени развитию своего «Телеграм»-канала, тусуюсь со звёздами, выступаю в роли модного эксперта на съёмках ТВ-шоу. И вроде бы всё идет как надо. Вот она – та жизнь, к которой я всегда стремилась, но почему-то она меня совершенно не радует. Ближе к середине августа я ловлю себя на том, что уже и забыла, когда нормально спала. Когда ехала после работы домой, а не на очередную халтурку, когда сыто ела... Был ли у меня за это время хоть один трезвый день? Ведь куда не придёшь – тебе первым делом норовят сунуть в руки бокал шампанского. Не жизнь, а сплошной праздник, от которого я ужасно устала. Оказывается, выгорание запросто можно схлопотать, даже занимаясь любимым делом. Осознание того, что полностью выдохлась, приходит внезапно. Прошу у Вишневской несколько выходных. Она даёт, видно, понимая, что на работе толку от меня всё равно мало. Еду домой с единственным желанием – завалиться в кровать и провести перед телевизором несколько дней, тупо пересматривая любимые фильмы. И, наконец, выспаться. В квартире никого – свобода. Соседи днём на работе. Димка уехал проведать родителей, а Василий Александрович выбил для себя и Симочки путёвку в санаторий. Позавчера их проводили.

Захожу в квартиру.

– Есть кто? – кричу на всякий случай.

Ни-ко-го. Только эхо прокатывается. Довольно качаю головой. Заказываю поесть, иду в душ, смывая липкий пот – жара в этом году ужасная. Доставка приезжает неожиданно быстро. Расплачиваюсь. Плетусь в кухню. М-да. С голодухи я назаказывала столько, что еды теперь хватит на неделю. Щедро наполняю свою

тарелку. Остатки убираю в холодильник. Настроение медленно, но верно ползёт вверх. Я красиво сервирую поднос, пританцовывая, выхожу в коридор и сталкиваюсь в дверях с...

- Вы кто?! - отскакиваю в сторону, но уже поздно. Бокал с вишнёвым соком падает, заливая белоснежную рубашку мужика, макароны съезжают с тарелки на поднос, а с подноса - на всё ту же белоснежную рубашку.

- Твою мать!

- Вы кто?! Что вам надо?! - я пячусь назад, отбрасываю поднос на стол и хватаюсь за огромный разделочный нож. В коридоре темно, кухню, напротив, заливают яркое солнце, и поэтому картинка у меня перед глазами далеко не сразу обретает чёткость. А может, это от страха.

- Нож убери. Не то поранишься. Я покупатель квартиры. А ты здесь живешь, выходит?

- Вы?!

- Да, я. Ч-черт. Дайте мне, что ли, полотенце...

Я откладываю тесак. Взволнованно облизываю губы. Промаргиваюсь и снова на него пялюсь. Ну, да... Точно. Передо мной Андрей Казак собственной персоной. Никакой ошибки тут быть не может, хотя, конечно, в подобные совпадения даже как-то не верится сходу. Скольжу взглядом по его раздосадованной физиономии, плотно сжавшимся челюстям, мощной колонне шеи, мышцам, которые облепила намокшая ткань. Во рту сохнет.

- Пойдите. Что значит - покупатель?

Казак беспардонно пересекает комнату. Не дождавшись от меня помощи, берёт Симочкино кухонное полотенце и начинает растирать безобразное пятно на груди. Меня обдаёт волной исходящего от него аромата. Ух ты... Я вроде бы неплохо разбираюсь в парфюме, но это что-то совершенно мне незнакомое. Но оттого не менее привлекательное. Казак резко оборачивается и ловит мой заинтересованный взгляд прежде, чем я успеваю взять себя в руки. Приплыли...

- То и значит.

- И кто же продает свою комнату?

Наверное, чтобы не попадать в такие идиотские ситуации, мне нужно чаще трахаться с чем-то кроме работы. Отворачиваюсь к столу, стряхиваю остатки макарон в мусор. Руки дрожат. Я пытаюсь припомнить, когда бы меня так клинило на мужике - и не могу. Со своим последним парнем я рассталась года два назад. Но там точно всё было не так. Более сдержанно и... пресно, что ли?

- Все.

- О, нет. Тут вы ошибаетесь. Я, - тычу в себя длинным пальцем, - ничего не продаю.

- Ах, так это ты владелица двух комнат слева? - Козак залипает на секунду на моём лице, соскальзывает вниз. Проходится от макушки до пяток и обратно. Я переминаюсь с ноги на ногу, понимая, как сейчас выгляжу. Впрочем, какого хрена? Гостей я не ждала. Спортивный топик, оставляющий открытым живот, короткие шорты-парашюты - вполне нормальная одежда для дома.

- Именно. - Я скрещиваю на груди руки. То, как приглашающе выглядит в этом положении грудь, понимаю, лишь когда Козак начинает на неё откровенно пялиться. Его взгляд тяжелеет. Он трясёт головой, будто избавляясь от наваждения. М-да... Похоже, не меня одну приложило.

- Сколько ты хочешь сверху рыночной стоимости?

- Нисколько. Моя квартира не продаётся.

- Вздор. Миллион? Два? Больше не дам. И никто не даст...

- Вы совсем меня не слышите? Квартира не продается. Никогда. Ни за какие деньги. Кто вас вообще впустил?

И ведь меня злит вовсе не то, что кто-то из наших снова отдал ключи постороннему дяде с улицы. Бесит собственная реакция на этого самого дядю,

который ко всем прочим своим недостаткам спит и видит, как бы заграбастать мою жилплощадь. Что за чёрт? Откуда такая реакция? Я ведь знаю, какой он деспот. Я сама своими ушами слышала, как о нём отзывалась жена. Неужто жизнь меня ничему не учит? Нет. Быть такого не может. Я далеко не дура. И парни у меня были всегда исключительно положительные. Будто я собственным примером стремилась опровергнуть утверждение о том, что девочки выбирают похожего на отца партнёра. Может, в этом и заключается моя проблема? В том, что не было в этих отношениях огонька?

– Дарья, кажется. Они как раз обсуждают с моим юристом сделку. А я решил ещё раз посмотреть, что покупаю. – Казак, наконец, переводит взгляд с меня на потолок.

– Не тесно вам будет в Дарьиной-то комнате? – усмехаюсь я.

– Почему только в ней? Я уже заручился согласием на продажу от всех жильцов.

Казак холодно улыбается и окидывает меня ледяным нечитаемым взглядом. У меня внутри зарождается дрожь и перекидывается на руки. Сжимаю кулаки. Врет он всё! Мы это тысячу раз обсуждали.

– Не верю. Симочка и Василий Александрович ни за что не захотят съехать. В этой квартире прошла вся их жизнь.

– Все изменилось с тех пор, как Василий Александрович сделал Серафиме Аркадьевне предложение.

Я открываю рот. Какое ещё предложение? Эх. Всё же зря я решила вести трезвый образ жизни. Сейчас бы мне точно не помешал бокал вина. Или чего покрепче.

– Предложение? Вы шутите?

– Ни в коем случае. Они решили пожениться. Разве это не мило? – и снова его красивых губ касается холодная улыбка, от которой у меня одновременно и стынет кровь, и по-новой вскипает. Соображай, Нелли! Ну, же...

– Даже если так. Я всё равно ничего продавать не стану.

– Ума не приложу, зачем вам так упрячиться. Деньги я предлагаю хорошие и...

– Не всё можно купить за деньги! – не даю ему договорить.

– Да? – Казак иронично приподнимает бровь. – Мой вам совет – подумайте о продаже. Пока я предлагаю хорошую цену.

– Вы мне угрожаете?! – изумляюсь я. В голове проносятся страшилки Симочки о чёрных риелторах и прочая дичь, которой определённо нет места в двадцать первом веке.

– Что вы. Мы цивилизованные люди. Я прошу. – Он подходит ко мне вплотную и касается пальцами разгорячённой щеки. Мое дыхание обрывается. Есть в нём что-то демоническое, какая-то сила, способная убедить собеседника в чём угодно. Не удивительно, что он считается одним из лучших адвокатов страны. – У меня, знаете ли, есть дочь. Ей страшно понравилась ваша квартира. Она называет её комнатой принцессы и мечтает в ней жить.

Это определено гипноз. Сто процентов. Я, не в силах отвести взгляда, слежу за тем, как шевелятся его губы, как под плотной кожей перекачиваются желваки, а вокруг демонических глаз собираются морщинки... На какой-то миг мне и впрямь начинает казаться, что он всё говорит правильно. Я почти готова уступить свою комнату его дочери. Можно даже без денег.

К счастью, мне хватает мозгов одуматься. Не веря в то, что это происходит со мной, я резко отступаю. Туман нехотя рассеивается. Я определённо сошла с ума!

– Очень жаль. Мне моя квартира тоже, знаете ли, очень нравится. Боюсь, вашей дочери придется с этим смириться.

Казак явно намеревается оставить за собой последнее слово, даже набирает воздуха в грудь, но наш диалог прерывают.

– Ой, а ты чего дома? – испуганно интересуется Дашка, заведя меня на кухню. Следом за ней в кухню входит неопределённого возраста парень.

– У меня выходной. А вы... что здесь забыли?

– Мы обсуждаем сделку купли-продажи! – вклинивается тот самый парень в разговор. Видно, это юрист, о котором упоминал Казак. – А вы, надо полагать, та самая неуловимая собственница двух прекрасных комнат с видом на канал?

– Почему же неуловимая?

– Потому что тебя дома никогда нет! Шляешься где попало, а у нас тут серьёзные вопросы решаются, – вмешивается Дашка.

– Решаются? Правда? А я думала, обтяпываются за моей спиной. Кстати, – оборачиваюсь к юристу, – я свою долю в коммуналке продавать не намерена. Так что, боюсь, зря вы старались.

По тому, как парень реагирует на мои слова, я понимаю, что ему известна моя позиция. Но, похоже, не очень-то она его волнует. Неужели думают, что сумеют меня убедить? Или... надеются заставить?

Ну да! Бред какой-то... Не желая и дальше продолжать этот бесполезный разговор, выхожу из кухни и запираюсь в собственной комнате. Всё здесь принадлежит мне! Так было, и так будет. Я не собираюсь никуда съезжать, а если Казак только попробует на меня надавить, я ему такое устрою! Такое устрою... что мало ему не покажется. Да, может, я не могу похвастаться его связями. И уж конечно у меня нет его влияния. Однако ему не стоит меня недооценивать. Я ведь вполне могу предать это дело огласке! У меня тысячи подписчиков. Это тоже чего-то да стоит... Казаку не по силам меня запугать. Я не из робкого десятка. Была бы такой – осталась бы жить в задрипанном военном городишке. У папеньки под крылышком.

Останавливаюсь у трюмо. Вот тебе и отдых! Будь Дашка неладна! Это она всех взбаламутила. Нормально жили, так нет же...

За дверью слышатся голоса. Я подбегаю к ней, приставляю ухо... Но слышу только, как за непрошенными гостями защелкивается замок. А потом Дашка грозно требует:

- Выходи на разговор!
- Нам не о чем говорить. Квартира не продается – и точка.
- Разве ты не понимаешь, что своим упрямством рушишь нам жизнь?!
- Я?! – всё-таки открываю, ошалев от такой наглости.
- Да! Тебя всё равно никогда нет дома. Какая разница, где тебе жить?!
- Большая разница! Я в эту квартиру всю душу вложила!
- Ну, так вложи в другую. Если уж Симочка с Василием Александровичем решились съехать...
- Не без твоей помощи, как я понимаю? Здорово же ты промыла мозги старикам.
- По-твоему, они не заслужили нормальной жизни?
- У них была нормальная жизнь здесь!
- С кухней, где семеро по лавкам?! И очередь в туалет?!
- Их всё устраивало, Даша. И если бы ты не промыла им мозг, своего решения они бы не изменили.
- Пусть так! Пусть... промыла. Но я для них хорошую квартиру с этого олигарха стрясла. Почти в центре. Этаж нижний. Кухонька хоть и маленькая, но своя. Санузел. Ты хотя бы представляешь, как это важно для стариков?
- Вот только не надо убеждать меня, что ты об их благополучии печёшься!
- Не буду. А ты о ком-нибудь кроме себя хоть когда-нибудь думаешь?! Семь человек из-за тебя одной мучаются!

Да пошло оно всё! Захлопываю дверь у Дашки перед носом. Да, может, это и так. Может, мной действительно эгоизм движет. Но я, чёрт его дери, имею на него полное право! В ответ Дашка тоже хлопает дверью. Я подхожу к окну, складываю руки на груди. Как лихо они, пока я работала, всё у меня за спиной обтяпали... Но ничего, ничего. Я что-нибудь придумаю.

Глава 5

Андрей

– Ну, что скажете?

– Скажу, что наш план накрылся медным тазом, Гриша. Ч-чёрт! Столько времени просрали... Сколько, кстати? Недели три? – закидываю портфель на заднее сиденье «Мерса» и, придерживая дверь рукой, оборачиваюсь к ушедшему проныре, которого мне порекомендовали в качестве отличного специалиста по сделкам с недвижимостью.

– Ну, если и вашу командировку считать, то где-то так примерно. Впрочем, из Цюриха вы бы вряд ли нашли другой вариант. А я вот парочку нарыл... На крайний случай.

Гриша протягивает мне папку с документами.

– А сразу этого нельзя было сделать? – хмурю брови.

– Так вы сами, Андрей Владимирович, сказали, что хотите эту, – подбородок парня взмывает вверх, к огромным, ещё тех времён окнам, – во что бы то ни стало. Мы попытались. Нашли подходящие для всех варианты расселения. Это, кстати, тоже тот ещё геморрой...

– Верю. Да только, Гриш, на деле результата нет.

– Так ведь эта бабёнка неуловимая совершенно! Я чего уж не делал, чтобы выйти с ней на личную встречу. Но её нереально застать дома. К тому же Дарья

Ивановна меня убедила, что никаких проблем с соседями не будет.

– Мне ли тебе объяснять, какой у Дарьи Ивановны был интерес?

– Можно ещё попытаться, – не сдаётся Гриша. – Поднять цену...

– Исключено. Я и так переплачиваю огромные деньги.

– Помнится, мы на старте обсудили, что это неизбежная плата за возможность жить в историческом центре. Но если для вас так принципиально остаться в пределах бюджета, то можно подумать и над другими вариантами.

– Какими же?

– Более... творческими.

– А вот этого не надо, – предостерегаю я.

– Да я ж не предлагаю ничего криминального, – Гриша вскидывает перед собой руки.

– И слава богу. Если человек не желает продавать свою часть, я не собираюсь его заставлять делать это. За кого вы меня принимаете?

Сажусь в машину. Не скрывая своего раздражения, хлопаю дверью. Жаль, что ничего не вышло. Хотя на какой-то момент показалось, что ещё немного – и строптивица будет есть из моих рук. Впрочем, это было бы совсем уж идеально. Не может в один день вот так по всем направлениям фартить. Я же, чёрт его дери, развёлся! Да, пришлось кое-кому звонить и просить ускорить процедуру, но ради такого дела чего только не сделаешь.

– Куда едем, Андрей Владимирович?

– Домой.

Душа требует праздника. Я в законном браке, считай, пятнадцать лет провёл, а тут сво-бо-да! И главное, что Мишель теперь будет со мной на вполне законных основаниях. Наталья больше не сможет мною манипулировать через дочь. Это, пожалуй, единственный рычаг давления, который у неё ещё сохранялся.

В кондитерской на первом этаже покупаю коробочку любимых дочкиных пирожных. Я ещё не решил до конца, стоит ли Мишке рассказывать, что мы с её матерью развелись, но если мне подвернётся хороший повод, пожалуй, лучше будет подсластить пилюлю.

– Галина Сергеевна, я пришёл. Мишка! Папа дома...

Из гостиной выглядывает домработница:

– Добрый день, Андрей Владимирович. Вы сегодня рано. Обед накрывать?

– Потом, – отмахиваюсь. – Что это наша попрыгунья меня не идёт встречать?

– Не слышит, может? – с сомнением замечает Галина Сергеевна. – Мишель! Папа пришёл!

Тишина. Уснула она, что ли? Прохожу по коридору, тихонько открываю дверь. Мишель лежит на кровати, накрывшись с головой. Не жарко ей? Опускаюсь на кровать, тяну руку к одеялу.

– Уйди!

Так! А это ещё что?

– Эй... Ну-ка посмотри на меня. Что случилось?

Мишель неуклюже вскакивает.

– Ничего! Просто я тебя... я тебя ненавижу!

Вот это номер! Та-а-ак, и кто мне объяснит, какого чёрта произошло за те несколько часов, что мы не виделись? А ведь произошло. Я никогда ещё не видел свою малышку такой.

- Ненавижу! - повторяет дрожащими губами.

- Это я с первого раза понял. Лучше расскажи, чем я это заслужил.

- Ты не даёшь маме со мной встречаться!

Ах вот оно что. Выходит, Наталья, узнав, что нас развели, всё же решила напоследок нагадить? Я думал, она умней. Что ж, мне не впервой ошибаться насчет этой бабы. Нутро обжигает холодная ярость.

- Ты говорила с мамой?

- Нет!

- Тогда с чего ты взяла, будто я не даю вам встречаться?

- Я прочитала журнал! - на мохнатых Мишкиных ресницах повисают слёзы и капают по одной на бледные щёки.

- Так, стоп! Во-первых, прекращай плакать. Никакой причины для твоих слёз нет. - Я осторожно стираю пальцами влажные дорожки. - А во-вторых, какой ещё журнал?

- Тот, которому мама дала интервью! Я всё ждала, ждала, когда оно выйдет... - Мишка судорожно всхлипывает, вряд ли осознавая, что со мной делает её плач. С большим трудом вспоминаю, о каком интервью дочка толкует. С тех пор, когда я узнал об этом самом интервью, утекло уже столько воды, что я и думать о нём забыл. Оглядываюсь в поисках злосчастного журнала.

- Что ты ищешь?

- Так журнал этот. Надо же знать, на чём основаны предъявленные мне обвинения? - шучу, не слишком-то надеясь развеселить дочь.

– Ты говоришь, как юрист! – морщит нос Мишель. Отходчивая она у меня всё же девчонка. Обижаться долго не может.

– Я и есть юрист. Ну, где эта макулатура?

Мишка запускает ручку под одеяло и нашаривает планшет.

– Сейчас всё можно прочитать прямо на сайте журнала, – она снова всхлипывает.

– Да... Как-то я об этом не подумал.

Сайт открыт как раз в нужном месте. Пробегаюсь по статье взглядом. Это я уже видел, это читал... А это...

– Какого хрена? – срывается недоверчиво с губ. Я снова и снова прохожусь по тексту, как будто мой взгляд сможет вымарать написанное из сети.

– «Извините. Можно ещё раз... Вы утверждаете, что муж вас бил?» – «О, гораздо хуже! Он изводил меня психологически. Хотя почему изводил? Андрей и сейчас не оставляет меня в покое. Вот поэтому я и подала на развод». – «Вот как? И как же это проявляется?» – «Ну как абьюзеры обычно изводят своих жертв? Способов более чем достаточно». – «Думаю, для лучшего понимания здесь не помешает какой-то пример». – «Пример?» – «Да. Самой большой жестокости, с которой вам пришлось столкнуться в браке». – «Он хочет отнять у меня ребёнка».

Я, наверное, совру, если скажу, что не предполагал чего-то подобного. Наталья слишком мстительная, чтобы просто так отпустить ситуацию. Очень хорошо понимая, что она из себя представляет, я, конечно, ожидал каких-то мелких пакостей. Например, я ничуть бы не удивился, выйди она в свет с мужиком в первый же день после развода, надеясь меня унижить в глазах партнёров. Но всё же... Всё же я верил, что у неё существуют границы. Линии, за которые она не станет заступать хотя бы ради ребёнка.

– Я погуглила слово «абьюзер».

Твою мать!

- И? Что ты думаешь? Я на него похож?

Мишель смотрит куда угодно, но не на меня, нервно комкает в пальцах одеяло и молчит так долго, что у меня начинается паника.

- Не знаю.

- Я никогда не преследовал цели отнять тебя у матери. Я просто настаивал, чтобы ты осталась жить со мной. Только так я могу о тебе позаботиться, как следует. Понимаешь? Это большая разница.

- Не слишком-то я её вижу.

- Твоя мама может к тебе прийти в любое время. Это даже не обсуждается.

- Зачем же она сказала, что ты хочешь меня отнять?

- Не знаю. Может быть, её неправильно поняли, - наглым образом вру, выгораживая гадину, вместо того чтобы придушить её собственными же руками.

- Или она неправильно поняла! - Мишель внезапно оживляется от пришедшей ей в голову мысли.

- О чём это ты? - настороженно интересуюсь я.

- О том, что мама могла тебя неправильно понять! А значит, что?

- Что?

- Я прямо сейчас ей позвоню и всё объясню, как следует! Как думаешь, ещё не поздно? Она придёт? Я так по ней скучала, ты прав...

Мишель неуклюже выбирается из кровати, прихрамывая, бежит к столу, с трудом находит собственный телефон среди разбросанных на столе рисунков и прикладывает к уху. Моё сердце, кажется, звучит в такт длинным гудкам, которые я очень явственно слышу, даже находясь на приличном расстоянии.

– Алло, мамочка! Привет! А я вот звоню тебе... Опять... – Это невыносимо. Я пытаюсь сосредоточиться на чём-то другом, но мой эфир целиком заполняет захлебывающийся от нетерпения Мишкин голос, что с каждым новым словом становится всё неуверенней и несчастней. – Значит, не можешь... Ладно. Это ничего. Тогда, может быть, завтра? Ты позвони, если захочешь встретиться. Папочка совсем не против. Ты разве не знала? А, ну ладно... Пока.

Не уверен, что это возможно, но, кажется, щёки Мишки становятся ещё бледней, чем прежде.

– Я всё маме объяснила.

– Вот и хорошо. Разобрались... – Чешу репу, вообще не понимая, что тут ещё сказать. – Ой, я же забыл совсем! Я там пирожные принес твои любимые. Пойдем пить чай?

– Угу, – будто маленький робот кивает Мишка. – Только потом. Хорошо?

– А сейчас что? Будешь киснуть?

– Не буду!

Топчусь ещё недолго на пороге и выхожу. Чёрте что! Ума не приложу, что с этим делать. Ну не сказать же ей: «Мишель, знаешь, мать у нас с тобой с лёгким прибабахом, ты на неё сильно внимания не обращай». А иначе как ещё объяснить маленькой славной девочке, почему её мамаше не до неё? Она же в себе ищет причину! Думает, это с ней что-то не так. Наташка в её представлении – богиня. Недостигаемый идеал. На фоне которого Мишка собственную ущербность чувствует ещё острее. Я это знаю наверняка, потому как будучи младше, она щедро делилась со мной своими мыслями. А замыкаться стала вот только теперь, повзрослев.

Закрываюсь в кабинете. Беру трубку. Долго верчу ту в руках, прежде чем набираю номер и прикладываю к уху. Может быть, я совершаю ошибку, но...

– Да. Я вся внимание.

- Сколько?

- Ты о чём, Казак? Я не понимаю.

- Сколько ты хочешь за встречу с Мишкой?

- Ты спятил? – хохочет Наталья, и я понимаю, что она уже навеселе, а ведь на часах и четырёх нет. Я сегодня специально освободился пораньше.

- Сколько? – рычу я. – Второй раз предлагать не стану.

- Не сильно ты высокого обо мне мнения, правда? – удивительно, но в её голосе вдруг проступает грусть.

- Что есть – то есть. Но мы это уже много раз обсуждали. Давай ближе к делу, Наташ. Ты хотела некоторого материального вознаграждения, я подумал, что это справедливо.

- Ты понял это до того, как оставил меня без гроша в кармане, или после?

- Опять ты за своё? Я же сказал, что не собираюсь муссировать давно закрытые темы. Готов предложить тебе десять тысяч долларов в месяц. Подумай хорошенько. Если не о деньгах, то о совести. С чистой, говорят, даже спится лучше.

- Тебе-то откуда это знать?

- А вот не надо! Я для Мишки всё что хочешь сделаю. Слышишь? Не доводи до греха. И поменьше трепись в интервью. Мне плевать, но наша дочь, оказывается, их читает. Так когда ты сможешь её навестить?

- Может быть, после плавания. У неё в четверг бассейн?

- В понедельник, среду и пятницу, – цежу, откидываясь затылком на подголовник. Меня не удивляет, что она не в курсе расписания Мишель. И даже уже не злит.

– Ну, значит, в пятницу. Пока...

– Пока.

Откладываю телефон. Одной проблемой меньше. А вот писак всё же стоит поставить на место. Чтобы неповадно было. Да, я понимаю, что они выполняли свою работу. И более того, даже пытались со мной согласовать то, что получилось в итоге. То, что я сам дал этой статейке ход, как раз и сводит случившееся к абсурду. Идиотская ситуация, как ни крути. С одной стороны, мне хочется крови. С другой – даже нечего предъявить. Ведь текст мной одобрен, если конечно, они ничего в нём не поменяли... Шанс призрачный, но всё же есть.

Открываю компьютер, пролистываю почту, с трудом находя письмо почти месячной давности. Пробегаюсь по «рыбе» взглядом. Сличаю с опубликованным. Бешусь от того, что мне не к чему придраться. Автор статьи, кем бы он ни был, не переставил и запятой. Если бы я дочитал до конца, Мишель не пришлось бы это всё пережить. Но смириться с тем, что я один виноват в происходящем, практически нереально. Я размышляю, как мне лучше поступить, но в голову ничего толкового не лезет. В конце концов, я решаю заходить через самый верх. Благо выход на собственника журнала у меня имеется.

Глава 6

Нелли

– Неллька, ты где ходишь?!

Каблук застревает в решётке слива, туфля соскальзывает с ноги, а я по инерции проношусь босой вперёд ещё на несколько метров.

– Ч-чёрт! Я за кофе вышла. А что?

Выдёргиваю туфлю и с досадой провожу пальцем по содранной коже. Хорошо хоть туфли не новые. Из позапрошлой коллекции. Но всё равно ужасно жаль. Я очень трепетно отношусь к вещам. Они для меня являются неким символом

новой жизни.

– Что-что! Тебя на седьмой вызывают. Срочно!

Свинцовую плёнку над головой вспарывает молния. Я вскидываю лицо к небу, и в ту же секунду оно проливается на меня дождём, будто только этой отмашки и ждало.

– Бегу! – перекрикиваю раскаты грома. От перекрёстка до здания, где располагается редакция, каких-то пятьдесят метров, но я успеваю вымокнуть до нитки. В таком виде идти к начальству не хочется. Теряя драгоценные минуты, сначала иду к себе. Здесь хранится одежда на все случаи жизни, ведь я никогда не знаю, как закончится тот или иной день. Бывает так, что приходится всё бросать и мчаться. То на какую-то презентацию, то на премьеру, а то и вовсе на интервью, если у героя, которого мы ждали, внезапно освобождается пара часов.

– Тебя Вишневская ищет! Чего ты копаешься?

– Да знаю я. Сейчас переоденусь и пойду.

– Она рвёт и мечет.

– Поняла. Переодеться не выйдет, – достаю из ящика стола рулон бумажных полотенец, отрываю сразу несколько в надежде хоть немного просушить одежду по дороге наверх. – Что за спешка, не знаешь?

– Люся говорит, что ей хозяин звонил. Ругался... Ну а потом она сразу тебя стала искать, – с трудом за мной поспевая, докладывает Марина. Хозяин – это серьёзно. Интересно, что ему могло не понравиться? Гашу тревогу и толкаю дверь в кабинет главреда. Тот, как и положено, шикарный. Но когда его займу я, обязательно всё здесь переделаю. На мой вкус, сейчас в нём нет изюминки.

– Где тебя носит?! – Вишневская подхватывается из-за стола, подносит к тонким красным губам вейп и яростно затягивается.

– Что-то случилось?

– Ничего хорошего! Кроме того, что меня из-за тебя как девочку отчитали!
Впрочем, чего это я? Сама виновата. Я же тут главный редактор, в конце концов!

Алена делает ещё одну затяжку и резко выпускает пар через нос.

– Уточни, пожалуйста, о чём речь...

– Об интервью с Казаком! Вот скажи мне, ты уверена, что согласовала концовку?

– Конечно.

– Странно. Потому что сейчас вдруг оказывается, что господин Казак какого-то чёрта очень, очень недоволен. Так недоволен, что даже не поленился позвонить нашему собственнику. Ты понимаешь, какая это подстава?

– Понимаю. Остался только вопрос: какие ко мне претензии?

– Весьма серьёзные. Дело может даже дойти до суда. Если мы не извинимся.

– Извинимся? Он что, не только абьюзер, но ещё и идиот?

– Нелли! – одёргивает меня Вишневская.

– А что – я? Разве не понятно, что это ничего не решит, а лишь привлечёт ещё больше внимания к тому, о чём, как я понимаю, говорить не стоит?

– Конечно, понятно. Именно поэтому вам придётся придумать, как действовать более тонко, – раздаётся арктически холодный голос за спиной. Надо отдать должное Вишневской, самообладание у неё не в пример моему. Я застываю перепуганным зайцем, а она, вон, ничего. Откладывает вейп и, расставив руки в радушном приветствии, делает шаг навстречу незваному гостю. Или званому. Попробуй теперь разберись.

– Андрей Владимирович? Я ничего не путаю?

– Нет. А вы – Алёна Михайловна, надо полагать?

– Всё верно. А это...

– Нелли Ерофеева. Одна из лучших наших обозревательниц.

Стоять отвёрнутой и дальше просто неприлично. Я делаю глубокий вдох и поворачиваюсь лицом к Казаку.

– Добрый день.

На его надменном лице мелькает лёгкое удивление. Да уж... Я тоже не ожидала встретиться с ним вот так. Невольно ёжусь. Мы и близко не в одной лиге. Тягаться с такими себе дороже. Вот почему я предпочла перестраховаться, наступив на горло собственной песне. Соглашаясь по факту с цензурой. Так какого чёрта теперь я ещё и виновата?!

Вероятно, в какой-то момент этот вопрос проступает у меня на лице. Потому как взгляд Казака становится совсем уж колючим, когда он обводит меня им с ног до головы и обратно.

– Точно лучших?

– Не сомневайтесь, – я вскидываю подбородок, чтобы этот мудака не думал, будто ему удалось меня запугать. Это ж надо, как ему хвост прижало, раз он не пожалел времени и лично явился в редакцию! Пожалуй, это первый такой случай в истории. Обычно нам просто звонят. – Свою работу я делаю прекрасно. Жаль, не всегда результат зависит лишь от моих профессиональных навыков.

Вишневская, стоящая от меня по правую руку, закашливается. Окей. Может, мне стоило промолчать и не накалять. Но какого чёрта? Он согласовал текст! И я не виновата в том, что у него на неделе семь пятниц.

– Ваш профессиональный навык – собирать сплетни, я ничего не путаю?

– Андрей Владимирович, ну что вы? Мы серьёзное издание. Вот почему Нелли к вам обратилась сразу же. Ещё на этапе написания текста.

– И его согласовала с вами, – добавляю я, не сводя взгляда с Казака. Не всё ж ему одному на меня пялиться! – Или вы теперь это отрицаете?

– Думаю, всё дело в банальном недопонимании, – затыкает меня Вишневская. Зря. Я бы очень хотела послушать, что ответит этот урод. Теперь приходится сделать над собою усилие. Чтобы смолчать. И чтобы не отвернуться под его прожигающим взглядом из-под недовольно сведённых вместе бровей. – Нам не составит труда со всем разобраться. Правда, Андрей Владимирович? А ты можешь быть свободна.

Свободна?! Да что б его! Неужели это нужно было сказать именно так? Именно этими, мать его, формулировками?

Мои щёки горят. Нет, пылают... Унижение просто адское. Как Алёна не понимает, что так нельзя? Это максимально непрофессионально. Впрочем, какое ей до этого дело? Она же уверена, что за неимением альтернативы я даже это съем. И самое гадкое, что она права. А какой у меня выход? Не увольняться же! Куда я пойду? Кому я нужна? В отличие от многих моих коллег, я не теряю связи с реальностью и понимаю, что жизнь, которая у меня есть сейчас – не моя вовсе. Я её одолжила. Как те сумки, которые мне в обмен на рекламу предоставляют модные бренды. Если я останусь за бортом глянца, никто и не вспомнит, кто такая Нелли Ерофеева.

Распрямляю плечи и иду прочь. Настроение – дерьмо. А ведь рабочий день ещё не закончен. На сегодня намечена грандиозная вечеринка по случаю открытия парусной регаты, которую мы каждый год освещаем.

Закрываю за собой дверь. Прячусь в уединении небольшого, но всё же отдельного кабинета. Гляжу в зеркало.

– Твою мать!

Ну, вылитая мокрая курица! Особенно обидно, что такой меня видел Казак. М-да... Женское тщеславие – ужасная штука. Казалось бы, какое мне дело до этого мудака? Усилием воли заставляю себя выбросить его из головы, но получается с трудом – слишком много его в моей жизни. Так много, что начинает казаться, будто это и не случайность вовсе. Мы, женщины, любим себе придумать то, чего нет. Увидеть божий промысел в банальном совпадении. Глубину океана – в луже.

Намёк на пустом месте. И так далее, и так далее...

Ближе к вечеру дождь заканчивается. Из салона красоты я выхожу свежей, как майская роза. И такой же красивой. Впрочем, никаких предпочтений внешность мне не даёт. В светской тусовке ты не найдёшь уроды. Брать здесь нужно другим. Моё оружие – интеллект и хорошо подвешенный язык. Это здорово помогает, ведь моя работа не ограничивается работой в журнале. Параллельно мне с успехом удаётся развивать собственный канал о моде и светской жизни. Смешно, но часть контента я действительно подаю под видом сплетен. Такой подход находит большой отклик у читателя. Но это вовсе не означает, что я не проверяю получаемую информацию. Тут даже Казак не нашёл бы, что мне предъявить. Чёрт, поверить не могу, что я опять о нём думаю!

– Нелли! Иди к нам! Я забил для тебя местечко!

Среди блуждающих по открытой террасе селебрити замечаю знакомого звёздного визажиста. Хороший парень. Не гнида. Таких сейчас нечасто встретишь. Мы приятельствуем, насколько это вообще возможно с нашим сумасшедшим ритмом жизни. А пересекаясь в местах вроде этого, стараемся держаться вместе.

– Привет! – Обязательный поцелуй в щёку. – Шикарно выглядишь. А загар какой!

– Это всё моя новая линейка кремов для загара. Как раз отмечаю выход! – в руку мне перекочёвывает бокал с шампанским. Я смеюсь:

– Очень выгодно! Праздник за чужой счёт.

– Бери на вооружение.

Мы отходим к заборчику нависающей над заливом веранды. Отсюда открывается великолепный вид на марину, пришвартованные яхты, водную гладь, что на горизонте сливается с небом, и догорающий закат. Шампанское расслабляет, смывает усталость. Мы неспешно болтаем, обсуждаем наряды гостей и последние новости. Сплетни стекаются к Сердару в каких-то немислимых количествах. Не забываю и о работе. Мне предстоит написать заметку о том, кто посетил мероприятие, и их наряды. Пока из интересных персонажей – недавно овдовевшая светская львица и устроившая скандал на борту самолёта певичка.

Делаю себе пометки в телефоне и принимаюсь за второй бокал. К моменту, когда на импровизированную сцену выходит диджей, я позволяю себе расслабиться. Работа сделана, можно в кои веки о ней забыть и просто насладиться очередным летним вечером. Сердар зовет танцевать. А я не то чтобы даже хочу... Просто он так зажигательно двигается, что отказать ему невозможно. Сливаемся с толпой таких же, как мы. Я и забыла, когда так в последний раз отжигала. Всё приходится какие-то маски носить, сдерживаться, а тут шампанское отпускает контроль... Есть только я и музыка. Двигаюсь в такт. Веду руками по телу, вращаю бёдрами. Сердар трётся рядом, плотоядно улыбаясь. Показываю ему язык. Я-то знаю, что он верен жене, и все эти его гримасы – не более чем шалость. Снова закрываю глаза и растворяюсь в звуках. Чувствую себя звездой. Кожей ощущаю чужие взгляды. Да... Смотрите. Вот я какая. Пританцовывая, собираю волосы и поднимаю вверх – ужасно жарко. А когда снова открываю глаза, будто с разбега врезаюсь в голодный взгляд наблюдающего за мной мужика. Казак! Вот и как тут не поверишь в совпадения?

Теперь уж молния проносится по моему телу. Ещё чуть-чуть – и грянет гром. Нет. Этого нельзя допустить... Отпускаю волосы, тянусь к уху Сердара:

– Пойду чего-нибудь выпью.

– Угу!

Подхожу к бару. Шампанское в запотевших бокалах смотрится изумительно. Беру один, хотя, наверное, завтра и пожалею об этом. Точнее, уже сегодня. Часы на запястье показывают первый час.

– Какой вечерок...

Оборачиваюсь слишком резко. В голове кружится, и предметы, лица людей вокруг теряют чёткость... Кажется, я здорово перебрала. Пока я соображаю, что ответить, Казак подходит ближе. Он тоже переоделся после нашей последней встречи в офисе.

– Угу. Мне, пожалуй, пора.

– Постой! – Андрей ловит меня за руку. Не удержавшись на ногах, я по инерции врезаюсь в его грудь. С губ срывается идиотский смешок.

– Упс! – комментирую, вновь обретая равновесие. Поднимаю расфокусированный взгляд вверх по его груди, шее, квадратному подбородку к плотно сжатым губам. Хочется их коснуться, чтобы заставить его расслабиться. Но вместо этого я зачем-то облизываю свои... – Так чего вы хотели?

– У меня к тебе предложение.

– Дай-ка я угадаю! Вы хотите продолжить этот вечер в местечке потише.

«Чего?! Че-го, мать его? Я это сказала?» – это будет первая мысль, когда память ко мне вернётся. А пока я в своих словах не вижу ничего предосудительного. Алкоголь делает меня бесшабашной.

– Вообще-то я о другом, – криво улыбается надменная задница. – Но почему бы и нет?

Глава 7

Андрей

Не сказать, что я удивлён. Как липнут бабы к мужикам побогаче, мне хорошо известно. Просто обычно это происходит гораздо изящней. Не так в лоб. Тут же всё происходит с точностью до наоборот. С таким же успехом она могла нацепить себе на лоб ценник. Поначалу это даже несколько напрягает. Всё же в мужике природой заложен охотничий инстинкт, а тут вообще ничего делать не надо. Сиди и смотри, как добыча сама идёт к тебе в руки. С другой стороны, разве это не плюс? Чисто внешне девка определённо мне нравится. Я завелся, ещё когда наблюдал за ней на танцполе, так что...

Оглядываюсь. Моя лодка очень удачно пришвартована неподалеку. Даже место искать не надо. Да и Мишель в кои веки под присмотром – ещё один повод ни в чём себе не отказывать.

– Пойдём! Ты все забрала? Сумочку? Телефон?

- Угу, - девица пьяно улыбается и похлопывает ладошкой по свисающему с плеча клатчу. - А куда пойдём?

- На мою лодку.

- У тебя есть лодка? Ик...

Мадам так же пьяна, как и красива, запоздало понимаю я. Мелькает мысль отделаться от неё, пока не поздно. В моих планах не было трахать труп. Задумчиво тереблю ключи в кармане.

- Есть.

- Так чего же мы стоим?

- Да вот сомневаюсь, дойдёшь ли ты, - кривлю губы в улыбке. На самом деле я её почти презираю за легкость, с которой она мне себя предложила. Не удивлюсь, если... Нелли? (так же её зовут?) использует работу в своей паршивой газетёнке лишь для таких вот знакомств. Но это не мешает мне её хотеть. Впрочем, у меня так давно не было секса, что, может, дело вовсе не в личности, а в самой возможности, наконец, выпустить пар.

Нелли осоловело моргает. Опускается взглядом к своим ногам в открытых босоножках на высокой шпильке. Поджимает пальчики с алым педикюром и, наклонившись, расстёгивает ремешки, решительно избавляясь от обуви.

- Так я точно не сломаю шею.

Эта бесшабашная, какая-то совершенно детская выходка сводит на нет мои колебания. Я ухмыляюсь. Беру пьяную барышню за руку и увожу за собой. В памяти всплывают картинки из прошлого: школьный выпускной, встреча рассвета и одноклассницы, которые тоже вот так разулись под конец вечера. Ух, сколько лет прошло с тех пор!

- Наверное, хорошо, когда есть своя лодка...

- Почему?

- Можно поднять парус и плыть, куда угодно.

Кошусь на идущую рядом девицу. Смешная! Шагает вперёд, широко раскинув по сторонам руки, будто хочет обнять весь мир, и говорит что-то уж совсем неожиданное. Что, скорей, можно услышать от семнадцатилетней одноклассницы на выпускном, но никак не от взрослой женщины, так откровенно предложившей себя.

- И куда бы ты поплыла?

- Оу... Не знаю. А куда можно?

- Куда угодно, - усмехаюсь я. - Здесь же выход к морю.

- Это, наверное, классно... А вы?

- Что я?

- Куда плавали? Или ходили... Кажется, так говорят? Моряки ходят?

- Да никуда особенно. Времени нет. Хорошо, если удаётся по месту пару раз куда-нибудь выбраться. Нам сюда, - осторожно забираюсь на борт, подаю руку Нелли. Та без всяких колебаний вкладывает свою ладонь в мою и... прыгает. Я не ожидал от неё подобной резвости, поэтому на ногах мы остаемся чудом. Нелли глупо хихикает. Поднимает взгляд и... снова призывно облизывает губы. Неожиданно для себя понимаю, что не прочь отведать их вкус. Наклоняюсь, накрываю её рот своим, обхватываю затылок. Нелли стонет. Я усмехаюсь. Вообще ничего такого не произошло, она явно переигрывает, желая то ли понравиться, то ли показать мне свою страсть. Не удивлюсь, если окажется, что все бабы проходят какие-то курсы, на которых их этому учат. Наташка тоже была очень шумной. А потом оказалось, что она притворялась. И что ей моя сексуальная активность была поперёк горла. В то время как я, дурак, верил, будто у нас с ней фейерверк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/rezник_yuliya/nepohozhie

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)